

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

П. М. КОЗЫРЕВА

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна - доктор социологических наук, зам. директора Института социологии РАН, директор Центра лонгитюдных исследований НИУ ВШЭ (E-mail: pkozyreva@isras.ru).

Аннотация. На основе анализа данных "Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения" (RLMS-HSE) исследуются особенности адаптации населения России к радикальным изменениям постсоветского периода (1994 - 2009 гг.). Основное внимание уделяется анализу специфических проблем социально-экономической адаптации, которые рассматриваются сквозь призму социального самочувствия, освещаются доминирующие тенденции, способы адаптации в условиях преобразований.

Ключевые слова: социальная адаптация * стратегии и способы адаптации * социальное самочувствие * социально-экономическая дифференциация * доходы и расходы домохозяйств * постсоветское общество.

За последние два десятилетия российское общество пережило глубочайшую трансформацию, что обусловило колоссальный рост интереса социологов к изучению социальной адаптации. Наряду с осмыслением теоретико-методологических проблем [1] большое внимание уделяется исследованию механизмов социальной адаптации различных социальных субъектов в динамично меняющемся обществе [2]. Неоценимую информацию об этих процессах дает "Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения" (RLMS-HSE), который проводится с 1994 г. [3]. Его результаты выявляют важные тенденции, объективные и личностные факторы, доминирующие стратегии и способы адаптации россиян к рыночным реформам, особенности их поведения на рынке труда.

Социальная адаптация рассматривается исследователями как двусторонний процесс практического взаимодействия социального субъекта с социальной средой, в ходе которого меняется не только субъект, но и среда. Она предстает одновременно как процесс и как определенное состояние, свойство и результат освоения меняющихся условий жизнедеятельности. Адаптация представляет собой изменение, определенный порядок развития данного процесса, характеризующийся последовательной сменой его состояний во времени и направленный на гармонизацию отношений между адаптантом и социальной средой. Категория "состояние", выражая темпоральный период тех или иных изменений, определяется совокупностью характеристик и отношений, которые сами изменяются.

Механизм социальной адаптации личности - основного субъекта адаптации представляет собой совокупность внутренне присущих ей взаимосвязанных, взаимо-

обусловленных состояний и процессов, и прежде всего социализации, посредством которой осуществляется усвоение норм и ценностей общества и данной социальной среды, и проявлений активности субъектов, направленной на изменение своего положения и преобразование среды в соответствии с новыми условиями и целями деятельности. Адаптация личности есть двуединый процесс объективации и субъективации, который реализуется путем социализации (процессы интериоризации и экстериоризации) и практических действий, направленных на изменение социальной среды. В процессе адаптации происходят освоение людьми новых социальных ролей, глубокие изменения мотивационной сферы, восприятия индивидами себя и своего окружения и многое другое. В отличие от социализации социальная адаптация предполагает не только усвоение индивидом ценностей, норм, установок, образцов поведения, присущих данному обществу, общности, группе, но и изменение, преобразование этих норм и правил. В самом широком смысле она выступает как форма активного отношения человека к окружающей действительности и отождествляется с деятельностью, понимаемой в современной теоретической социологии как двойное преобразование: объективно существующих структур (например, границ социальных статусов) и личностного потенциала (ресурса, социального капитала).

Центральным элементом механизма социальной адаптации выступают цели адаптации, в которых выражается стремление субъекта выйти из состояния конфликта со средой. В соответствии с той или иной целью строится адаптационная стратегия, реализуемая посредством опробования различных способов, которые представляют собой конкретные социальные действия, поведение, поступки в новых, нестандартных ситуациях. Способы адаптации - это действия или поведенческие реакции, которые, принимая форму участия в трудовой, общественно-политической, познавательной и иной деятельности, позволяют реализовать, пусть даже частично или ограниченно, адаптационный потенциал или укрепить адаптационные ресурсы.

На социальном уровне социальная адаптация выступает в качестве механизма трансформационного процесса, а еще точнее - одного из наиболее общих механизмов самоорганизации и саморазвития социума. Основными компонентами общественной системы являются социальность (отношения людей в процессе деятельности), культура (сами способы деятельности) и индивиды как субъекты деятельности [4]. Механизм социальной адаптации направлен на обеспечение относительно полного соответствия всех составных частей этой системы (т.е. на гармонизацию отношений среды и личности) и вместе с тем выступает в качестве инструмента изменения и преобразования среды и личности, т.е. модернизации и инновации социума, что зависит от величины социального капитала и модернизационного потенциала крупных общественных групп.

Проблематика социальной адаптации достаточно тесно связана с анализом социальных ресурсов и социального капитала. Если социальная адаптация - один из важнейших механизмов функционирования и развития социума, самоорганизации его основных компонентов, то различные "капиталы" (в т.ч. социальный) выступают определенными формами (взаимодействующими и превращающимися друг в друга) самой социальной адаптации как индивида, так и общественных групп.

Адаптация населения к условиям трансформирующегося общества интерпретируется как единство многоплановых и разноуровневых процессов приспособления индивидов и социальных групп к изменениям, которые вызваны радикальными преобразованиями, захватывающими все структуры российского общества. Центральное место среди них принадлежит социально-экономической адаптации, связанной с приспособлением человека к экономическим и организационным изменениям, рожденным новыми рыночными преобразованиями в России [5, с. 109].

Важнейшей составляющей изучения социальной адаптации выступает анализ динамики социального самочувствия, для измерения которого был сконструирован обобщающий индекс социального самочувствия, носящий комплексный характер и являющийся достаточно чувствительным индикатором массовых настроений, репре-

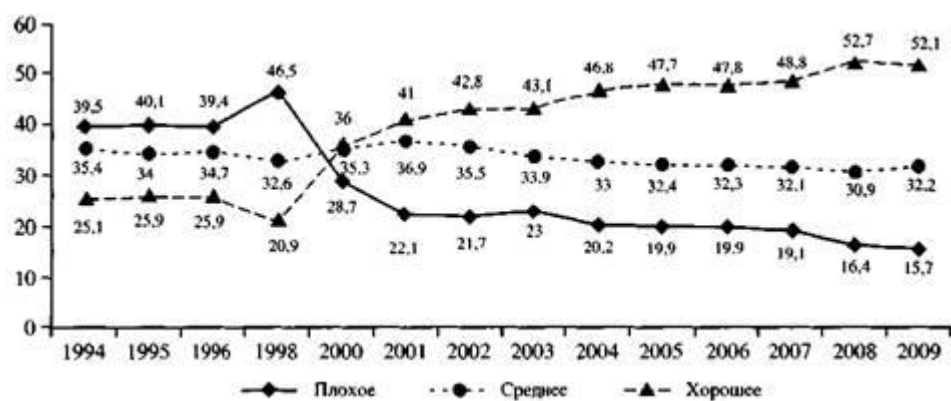

Рис. 1. Динамика социального самочувствия (1994 - 2009 гг., в %)

зентирующих социально-экономические изменения и связанные с ними глубокие и динамичные перемены в жизни россиян [6]. Анализ показывает, что подверженное сильной зависимости от социально-экономического положения индивидов и социальных групп социальное самочувствие российских граждан в последние полтора десятилетия обладало всеми характеристиками, свойственными переходному периоду в развитии общества. В его эволюции можно выделить несколько этапов, которые демонстрируют несомненное родство с динамикой социально-экономического положения населения, отражают особенности адаптации россиян к рыночным реформам и трансформационным кризисам (рис. 1). Общая динамика социального самочувствия была позитивной. За 1994 - 2009 гг. доля граждан с хорошим самочувствием, пройдя критически низкую отметку в 1998 г., выросла вдвое - с 25,1 до 52,1%, тогда как доля лиц, испытывающих негативные настроения, сократилась в 2.5 раза - с 39.5 до 15,7%. На фоне этих изменений достаточно стабильной выглядит группа респондентов, занимающая промежуточное положение (от 35,4% в 1994 г. до 32,2% в 2009 г.). Но в действительности подобная стабильность на макроуровне только скрывает, маскирует нестабильность на микроуровне.

Основной причиной улучшения социального самочувствия явилось относительное повышение уровня жизни россиян. В последнее десятилетие социально-экономическая политика приобрела более устойчивые черты, способствуя развитию активных механизмов адаптации, улучшению экономического положения населения. Постоянное снижение доходов, наблюдавшееся на протяжении 1990-х годов, в начале нового века сменилось не менее последовательным их ростом. Если с 1994 г. по 1998 г. средние реальные доходы домохозяйств уменьшились почти на 43%, то к концу 2008 г. они выросли более чем в 3 раза. По мере роста доходов существенно увеличились и расходы семей. Произошли огромные изменения в структуре расходов домохозяйств. За 1994 - 2008 гг. доля расходов на продукты питания сократилась с 73 до 45%, тогда как доля расходов на непродовольственные товары выросла с 27 до 55%.

Перемены в размерах и структуре доходов и расходов российских семей изменили их потребительские возможности и доступность различных стилей жизни. В предкризисный период основная часть доходов домохозяйств расходовалась на приобретение недоступных ранее товаров и услуг, но не для формирования сбережений. По мере повышения уровня жизни населения повысились оценки россиян в отношении возможности приобретения дорогостоящих предметов и услуг (рис. 2).

Снижение средних реальных доходов и расходов домохозяйств было зафиксировано только в кризисом 2009 г. - соответственно на 6 и 12%. Наибольшее снижение расходов произошло на товары длительного пользования и отдых - соответственно

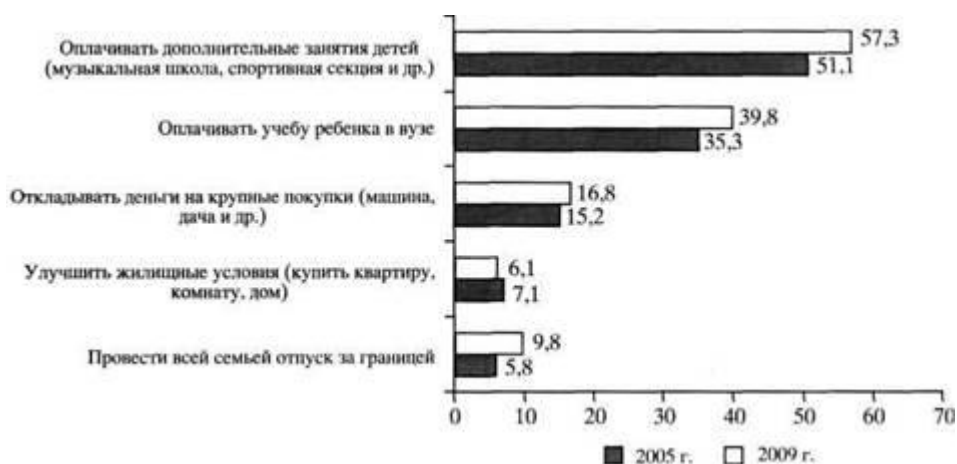

Рис. 2. Оценка возможности приобретения дорогостоящих предметов и услуг (2005 - 2009 гг., в % к тем, к кому это относится)

на 29 и 19%. Весьма существенным (почти на 7%) оказалось также уменьшение расходов на продукты питания.

Но эти изменения практически не сказались на социальном самочувствии населения. В отличие от финансово-экономического кризиса 1998 г., который был не только экономическим, но и травматическим социально-психологическим событием, сопровождался потерей доверия населения к власти, новый экономический кризис, присутствие которого в России стало отчетливо ощущаться с осени 2008 г., не стал глубоким потрясением для значительного большинства россиян. Медленное развитие событий позволило сгладить остроту восприятия кризисных явлений и оставило людям время для осмысления ситуации, а возросшая адаптационная опытность превратилась в важнейший стабилизационный ресурс массового сознания различных групп и слоев населения. Оптимизм россиян во многом объясняется также сохранением политической стабильности и тем, что в кризисной России правительство и руководители большинства компаний не прибегали к непопулярным мерам, как это было во многих других странах. В 2008 г. отмечен самый низкий показатель удельного веса лиц трудоспособного возраста, не полностью получавших заработную плату. 2009 г. демонстрирует незначительный рост данного показателя (рис. 3).

В 2008 - 2009 гг. основные показатели, характеризующие социальное самочувствие россиян, демонстрировали как бы по инерции укрепление позитивных тенденций. Так, в конце 2009 г. доля респондентов, удовлетворенных своей жизнью в целом, достигла 43,4% - максимального значения за все время наблюдений. Это на 3,3% больше, чем в предкризисном 2007 г. и почти в 3,7 раза больше, чем в 1998 г., когда уровень удовлетворенности россиян своей жизнью был минимальным (11,9%).

Одну из важнейших граней адаптированности к обновляющимся социальным условиям отражает уровень удовлетворенности россиян своей работой. Известно, что удовлетворенность соотносится как с исходными потребностями и притязаниями личности на успех, так и с представлениями о своих возможностях достигнуть его, а также с определенными требованиями к собственной деятельности. В этой связи удовлетворенность трудом может свидетельствовать не только о положительном отношении к своей работе, но и о реализованных потребностях и притязаниях. Согласно данным PLMS-HSE, только за 2003 - 2009 гг. доля работников удовлетворенных своей работой увеличилась с 43,3 до 62,2%. Улучшение отношения к выполняемой работе наблюдалось в большинстве профессиональных групп. Единственным исключением стало снижение удельного веса лиц, удовлетворенных своей работой, среди работ-

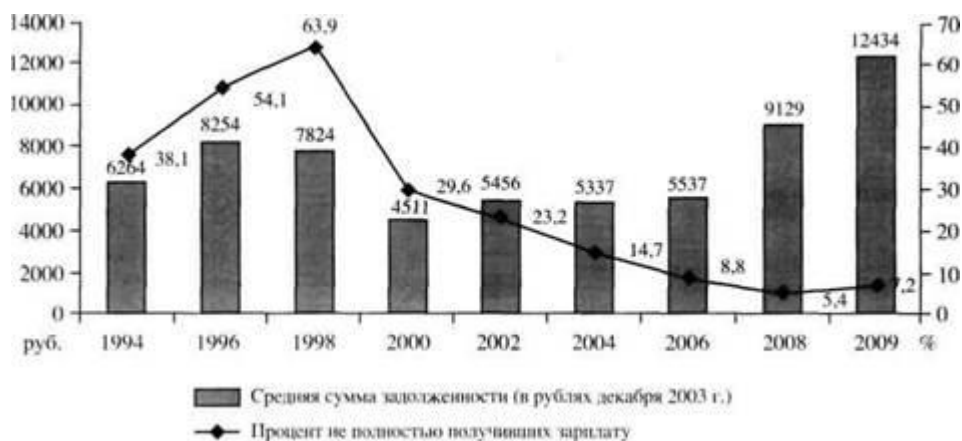

Рис. 3. Невыплаты заработной платы основным работодателем трудоспособному населению

ников сельского хозяйства. Занятые на предприятиях и в организациях были чаще удовлетворены работой, чем работающие вне сектора организованной занятости, значительная доля которых связана с неформальным сектором. Улучшились также показатели удовлетворенности работников различными сторонами своей профессиональной деятельности, т.е. частных удовлетворенностей. Так, доля лиц, удовлетворенных условиями труда, за указанный период выросла с 41,1 до 60,8%. Но в то же время удельный вес работников, удовлетворенных возможностями профессионального роста, увеличился только с 33 до 44,7%, оплатой труда - с 19,2 до 31%.

Позитивные перемены в развитии общества, наблюдавшиеся с начала нового века, расширили возможности людей, создавая более благоприятные условия для реализации адаптационных ресурсов, способствуя повышению уверенности в своих силах, в способности противостоять неблагоприятным процессам кризисного периода. Существенно снизилась значимость пассивного приспособления и повысилась роль активных стратегий и способов адаптации. Более значительную роль сегодня играют предпринимательская активность и экономическая мобильность. Развитие рыночной экономики привело к усилению социальных и экономических амбиций граждан, повышению их профессионализма. Сформировались "активные и мотивированные группы населения, массово представленные средним классом". Для представителей этих групп характерны интенсификация собственного труда и стремление улучшить свое место на рынке труда [7].

К значимым тенденциям, характеризующим рост адаптационных возможностей россиян, относится повышение активности граждан в поиске работы. Если в 1990-х годах поиском работы активно занимался каждый седьмой-восьмой из числа желающих найти работу, то, начиная с 2002 г. - примерно каждый третий-четвертый. Произошли изменения в структуре способов поиска работы, свидетельствующие о повышении самостоятельности граждан в решении проблемы трудоустройства. В частности, лица, занятые поиском работы, стали реже обращаться в государственные службы занятости и чаще к друзьям, знакомым и родственникам.

Еще одна характерная тенденция постсоветского периода - усиление процессов движения рабочей силы и рабочих мест, спонтанный рост всех видов экономической мобильности. На протяжении всех лет мониторинга до трети и более респондентов выражали твердое желание найти новую работу. Особенно велико было это стремление в 1994 г., когда его высказывали 37% занятых. И только к 2001 г. доля желающих найти новую работу снизилась до 27% и оставалась примерно такой же в следующие годы. Многие из этих людей осуществили свои намерения: уровень мобильности в сфере труда, учитывающий ежегодные изменения профессии и (или) места работы,

колебался в пределах 14 - 15%. Около половины всех изменений приходилось на одновременную смену профессии и места работы. При полной смене работы, как правило, происходит смена сектора занятости или сферы трудовой деятельности, в результате чего работник не может применить прежнюю квалификацию на новом рабочем месте. Не столь значительную роль в механизме перераспределения рабочей силы играет смена места работы, позволяющая работнику использовать приобретенный профессионально-квалификационный потенциал и, следовательно, ускорить и облегчить преодоление адаптационных барьеров на новом рабочем месте. И еще реже работники меняют профессию без изменения места работы. В этом случае адаптационные затруднения, вызванные перепрофессионализацией, частично компенсируются действием фактора привычной обстановки.

К числу ярких явлений российского рынка труда относится вторичная или дополнительная занятость - одна из важных форм трудовой мобильности, свидетельствующая о наличии у индивида определенных адаптационных способностей. Согласно данным RLMS-HSE, уровень вторичной занятости в рассматриваемый период колебался в пределах 5 - 6%. Около трети вторично занятых не были официально оформлены на дополнительной работе, т.е. были включены в сектор теневой занятости.

Дополнительная занятость более доступна людям молодого и среднего возраста, лицам с более высоким уровнем образования. Высокую активность на рынке вторичной занятости проявляют сельские жители, что связано с нехваткой рабочих мест в сельской местности, низкими заработками в деревне, сезонностью сельскохозяйственного труда. Поскольку вторичная занятость очень часто не предполагает выполнения высококвалифицированной работы, не совпадает с основной профессией или специальностью, она становится причиной снижения профессионально-квалификационного уровня работников и в долгосрочной перспективе может тормозить адаптацию. Но наряду с этой тенденцией существует и другая, свидетельствующая о том, что дополнительная работа очень часто повышает мобильность работников на рынке труда, предоставляя новые ресурсы для успешной трудовой адаптации. Это выражается в расширении социальных связей, освоении новых видов профессиональной деятельности, более глубоком понимании конъюнктуры на рынке труда, приобретении навыков поиска работы и трудоустройства. Несмотря на то, что дополнительная работа отнимает много физических и моральных сил, она чаще служит источником хороших настроений.

Обращает на себя внимание также сокращение сектора теневой занятости по основному месту работы. С 2006 г., когда было зафиксировано максимальное значение, по 2009 г. доля граждан, не оформленных официально на основной работе, уменьшилась с 7,5 до 5%. Такая разновидность найма охватывает зачастую те слои населения, которые не обладают высоким человеческим капиталом и ресурсами для отстаивания своих интересов, вынуждены работать без заключения трудового соглашения под давлением каких-либо непреодолимых обстоятельств. Среди неофициально занятых преобладают работники низкой квалификации молодого и старшего возраста. До 60% из них являются разнорабочими и работниками сферы обслуживания. Поскольку такая занятость не отвечает долгосрочным интересам работников, все больше людей рассматривают свою работу в теневом секторе как временное явление. Наблюдается уменьшение количества работников, которых работа в "тени" привлекает более высокой зарплатой в конверте, заработками, необлагаемыми налогами, нерегламентированным рабочим днем, приемом на работу без конкурсного отбора и т.п.

Одним из последствий интенсификации процессов движения рабочей силы в постсоветский период является рост так называемой непостоянной занятости (с 3% в 1994 г. до 12,5% в 2009 г.), к которой относят занятость по срочным контрактам, договорам на выполнение определенного объема работ, занятость на основе устной договоренности и случайную [8]. Большинство временно занятых считают свою работу менее привлекательной в сравнении с постоянной работой и менее удовлетворены своей трудовой деятельностью, чем другие работники. Отсутствие стабильного заработка,

возможности карьерного и профессионального роста, высокая обеспокоенность необходимостью поиска новой работы становятся причинами низкого самочувствия временно занятых.

Что касается миграционной мобильности, то она, в отличие от трудовой, имела тенденцию к снижению. По оценкам специалистов, уровень пространственной мобильности населения России в постсоветский период снизился примерно вдвое. Низкая внутренняя подвижность населения не только усугубляет демографическую ситуацию, но и создает трудности в развитии рыночной экономики, препятствует более полному использованию рабочей силы, реализации возможностей работников [9].

Очевидно, что трудиться больше и интенсивнее, перейти на новую работу или устроиться на дополнительную работу, чтобы увеличить свой доход, чаще готовы люди, испытывающие определенные адаптационные затруднения. Неслучайно в 2009 г. среди работников с плохим социальным самочувствием доля желающих повысить свои заработки достигала 60,7%. Но и среди тех, кто попадал в зону позитивного социального самочувствия, таких было немало - 45,5%. Вместе с тем, стремление к повышению уровня своего образования, выступающего важнейшим адаптационным ресурсом, чаще демонстрировали лица с хорошим социальным самочувствием (22,6% против 17,8 среди работников с плохим самочувствием). Все это является одним из подтверждений того, что у многих социальных аутсайдеров, особенно у явных дезадаптантов, желание улучшить свое положение не подкрепляется устойчивым стремлением использовать наиболее эффективные способы социальной адаптации.

Трансформационные трудности 1990-х годов вынудили многих россиян обратиться к различным формам личного или семейного рыночного приспособления, которые основаны на собственном производстве и использовании личных материальных ресурсов. На первых этапах радикальных преобразований стратегия активных действий, позволившая многим не только сохранить свой статус, но и подняться на более высокую ступень, оказалась продуктивнее, чем пассивное приспособление. Вместе с тем, в последние годы отмечено некоторое ослабление интереса к подобным формам рыночного участия, что вызвано ростом доходов населения из основных источников. Если в начале 2000-х годов примерно каждый десятый опрошенный выращивал что-то на своем участке с целью продажи или обмена и примерно столько же людей разводили и продавали скот, птицу и рыбу для продажи, то к концу 2009 г. их количество снизилось вдвое. В то же время удельный вес граждан, оказывающих различные платные услуги, вырос с 3,6 до 6%. Менее распространенными формами рыночного участия и социально-экономической адаптации населения выступают перепродажа товаров и продуктов, продажа продукции домашнего изготовления, простейшие денежные операции, связанные с получением процентов от вкладов или приобретением ценных бумаг, сдача внаем жилья и другого имущества.

Заметно снизилась роль пассивных адаптационных практик, основанных на экономии и отказе от самого необходимого. Городские и сельские жители стали меньше экономить на покупках одежды, обуви и продуктов питания, реже обращаться за помощью к родственникам, в государственные организации, продавать вещи и имущество из-за нехватки денежных средств. У многих (особенно горожан) отпала необходимость увеличивать производство сельскохозяйственной продукции на своих участках для удовлетворения личных (семейных) потребностей, чтобы компенсировать недостаток денежных доходов от заработной платы и других источников.

В настоящее время к группе людей с хорошим социальным самочувствием чаще относятся люди, которые обладают более значительным запасом ресурсов. Это, прежде всего, наиболее обеспеченные и образованные граждане, молодые жители крупных городов. Успешный адаптационный контингент составляют лица, проявляющие активность в организации собственного дела и особенно добившиеся успеха на этом пути. Так, если среди предпринимателей доля лиц с хорошим социальным самочувствием в 2009 г. достигала 72,6%, среди тех, кто пытался организовать собст-

венное предприятие, но не добился успеха - 58,9%, то среди респондентов, которые никогда не пытались заняться предпринимательством - только 49,8%. Похожие различия наблюдались на протяжении всех лет мониторинга. Так, в 1998 г. эти показатели составляли соответственно 49,7; 29,9 и 20,2%. Однако нельзя не заметить, что среди россиян удельный вес лиц, проявляющих предпринимательскую активность, как правило, невелик - не превышает 10%. Рост этой категории граждан сдерживается многочисленными барьерами, препятствующими развитию малого и среднего бизнеса в России.

После 2000 г. значительное улучшение социального самочувствия отмечалось у чиновников, некоторых категорий бюджетников, пенсионеров, которые смогли улучшить свое положение благодаря осуществлению государством выборочной социальной политики, суть которой заключается в поддержке отдельных категорий населения. Рост доходов обеспечивается сегодня в основном за счет роста зарплат в бюджетном секторе и социальных трансфертов. Особенно большие масштабы приобрело обогащение чиновничества. В то же время сложнее всего ощущают себя в условиях кризиса обычные граждане. И социальный капитал, и модернизационный потенциал значительных групп интеллигенции, рабочих, особенно низкой квалификации, и работников сельского хозяйства существенно понижены, что значительно ограничивает их адаптационные возможности. С большими трудностями сталкиваются даже многие высококвалифицированные специалисты при конвертации образования в рыночные преимущества.

Анализ выявляет достаточно тесную связь между уровнем материального благосостояния и социальным самочувствием граждан, которая особенно четко проявляется в группах бедных и малообеспеченных россиян. Что касается зажиточных слоев населения, то среди них выше, чем следовало бы ожидать, удельный вес лиц, недовольных своей жизнью и отдельными ее сторонами, что во многом обусловлено высоким уровнем притязаний этой категории граждан. По мере повышения уровня материального благосостояния у людей растут требования к качеству жизни, что нередко усиливает недовольство качеством образования, медицинского обслуживания и других социальных услуг, обеспокоенность проблемами сохранности собственности, накопленных материальных ценностей. У бизнесменов и предпринимателей причинами недовольства выступают низкая защищенность бизнеса, ухудшение делового климата и неясность экономических перспектив.

Проведенный анализ показывает, что, несмотря на повышение уровня социального самочувствия населения, результаты адаптации россиян к новым социально-экономическим условиям остаются далеко не однозначными. В 2009 г. в сравнении с 1998 г. доля респондентов, позитивно оценивающих соответствие своих качеств текущей экономической ситуации, увеличилась с 29,7 до 42,7%. Но даже после такого значительного роста почти половина их ощущала, что у них недостаточно качеств, позволяющих успешно приспосабливаться к сложившейся экономической ситуации (рис. 4).

Существенным фактором, негативно влияющим на социальное самочувствие работающих граждан, является угроза безработицы. Россияне боятся безработицы гораздо больше, чем жители большинства высокоразвитых европейских стран. Это во многом объясняется крайне низкими социальными гарантиями в связи с потерей работы в России. В 2009 г. доля взрослых россиян, обеспокоенных возможностью потери работы, составляла 57,8%. Это хотя и меньше максимального значения, зафиксированного в 1998 г., но примерно столько же, сколько было в 1994 г. (соответственно 68,9 и 57,5%). Особенно высока тревога по поводу возможной потери работы в малых городах и моногородах, где возможности трудоустройства крайне ограничены или полностью отсутствуют. Весьма значительным остается также удельный вес граждан, не уверенных в возможности трудоустройства в случае потери работы (43,8%). Хотя при этом нельзя не заметить, что в 1994 г. и 1998 г. подобную неуверенность испытывало гораздо больше людей - соответственно 61,5 и 68,8%.

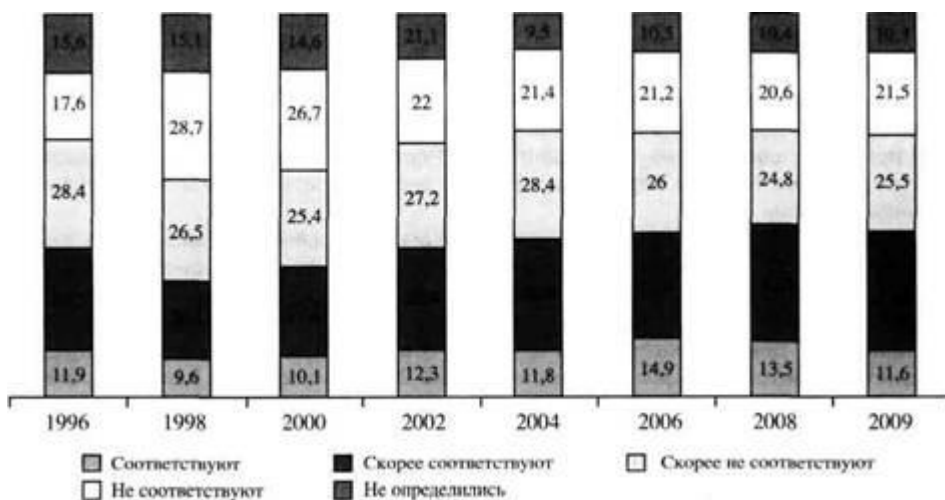

Рис. 4. Динамика самооценки соответствия личностных качеств текущей экономической ситуации (в %)

Большое количество россиян продолжает испытывать материальную нужду, ограничивается приобретением только самых необходимых товаров. Расходы домашних хозяйств на продукты питания даже после существенного сокращения намного превосходят аналогичные расходы в Западной Европе и США (соответственно 7 и 12% совокупных расходов). При этом в 2009 г. произошел рост доли расходов на продукты питания и оплату услуг ЖКХ в структуре бюджета российских семей. Очень четко обозначилась тенденция ускоренного роста удельного веса расходов на социально значимые товары и услуги, от которых люди не могут отказаться даже в условиях экономического кризиса, вынуждающего семьи переходить к жесткой экономии бюджета.

В 2009 г. удельный вес респондентов, неудовлетворенных своим материальным положением, достигал 59,2%. Явления недовольства материальной стороной своей жизни весьма широко распространены среди граждан разного пола и возраста, среди лиц, проживающих в городах и сельской местности. Для многих людей имеет значение не только уровень их благосостояния, но и его приращение. Если такого приращения не происходит, такие люди начинают испытывать дискомфорт. В этой связи необходимо отметить, что в 2009 г. более 55% россиян не замечали каких-либо перемен в материальном положении своих семей, а 16,5% - обращали внимание на его ухудшение. Кроме того, 38,4% респондентов относили себя к наименее обеспеченным слоям населения, тогда как средние позиции на шкале материального благосостояния занимали 57,7% и только 3,9% оценивали свое материальное положение как высокое.

С 1998 г. по 2009 г. доля домохозяйств с доходами ниже прожиточного минимума снизилась почти в 11 раз (с 38,1% до 3,5). Сокращение бедности происходит главным образом за счет перераспределительной политики государства. И это делает положение людей, приподнявшихся над установленной чертой бедности, крайне непрочным. Нельзя забывать и об относительности выбранного критерия для измерения бедности - прожиточного минимума, который не обеспечивает гражданам права на достойную жизнь.

Огромное недовольство экономическим положением в немалой степени объясняется возросшей дифференциацией доходов. В то время, когда бедность постепенно сокращается, разрыв между доходами бедных и богатых слоев остается очень высоким. По данным RLMS-HSE, в 2009 г. разрыв в доходах между домохозяйствами, принадлежащими к самому богатому и самому бедному квинтилям, составлял около

7 раз. О наличии огромного социально-экономического неравенства свидетельствуют также данные Росстата, согласно которым в 2009 г. коэффициент фондов (разница между денежными доходами 10% самых богатых и 10% самых бедных граждан) достигал 16,7 раз. Если на долю 10% наиболее обеспеченного населения приходился 31% общего объема денежных доходов, то на долю 10% самых бедных - всего 1,9% [10, 129]. Дифференциация доходов населения России почти вдвое выше, чем в крупных странах СНГ, на долю каждой из которых приходится 2,5% совокупного ВВП СНГ (Азербайджан, Белоруссия, Казахстан и Украина). Колоссальное социально-экономическое неравенство и возросшая инфляция усиливают недовольство людей собственным материальным положением. Многие россияне, особенно старшего возраста, чувствуют себя более комфортно, когда все одинаково небогато, чем когда поощрение всеобщего обогащения оборачивается глубоким материальным расслоением.

Негативное влияние чрезмерно высокой дифференциации доходов на социальное самочувствие граждан объясняется также тем, что материальное неравенство косвенно связано с ухудшением физического и психического здоровья людей, низкой продолжительностью жизни населения. Имеется немало подтверждений того, что низкая продолжительность жизни в немалой степени является результатом социокультурных стандартов поведения, характерных для бедных российских семей. Речь о таких стандартах, как укоренившаяся привычка снимать стресс потреблением алкоголя, отсутствие заботы о здоровом образе жизни и т.п. [11].

Основу дифференциации доходов домохозяйств, как и прежде, составляют различия в заработной плате. При этом немаловажное значение имеет резкое повышение заработной платы отдельным категориям работников, прежде всего в бюджетной сфере, что тормозит нормальное развитие адаптационных процессов. Около половины российского среднего класса работает в государственном секторе и "получает на свои активы доходы, никак не опосредуемые рынком" [12, с. 287]. В последние годы профессионалы высокого уровня, бизнесмены и предприниматели, составляющие наиболее конкурентоспособный, активный и инициативный трудовой контингент, обладающий мотивацией достижения, высокими адаптационными возможностями, вытесняются из наиболее обеспеченных слоев чиновниками и представителями бюрократических структур. Поскольку высокие доходы сегодня проще получить, занимаясь перераспределением, а не производством, способные и предприимчивые люди молодого возраста все чаще останавливают свой выбор на карьере чиновника.

В 2009 г. конкурс на факультеты государственного и муниципального управления по стране в целом составил 312 человек на место [13, с. 42]. Успехи бизнесменов и профессионалов уже в меньшей степени стимулируют людей на карьерный рост в этих сферах профессиональной деятельности, чем в 1990-х годах.

Значительный вклад в углубление социально-экономического неравенства вносит неравномерность социально-экономического развития регионов, которая существенно сказывается на общем фоне настроений населения разных республик, краев и областей, на отношении людей к социально-экономическим и политическим процессам.

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что усиление оптимистических настроений россиян, нарастание уровня их социальных ожиданий далеко не всегда совпадает с повышением уровня удовлетворенности своим материальным положением. С одной стороны, устоявшийся уровень обеспокоенности материальными проблемами не меняется одновременно с изменением экономической ситуации. Действительное состояние массового сознания в переходный период предоставляет немало примеров подобной устойчивости, оказывающей значительное влияние на формирование представлений о своем настоящем и будущем. С другой стороны, требования, выходящие за рамки традиционных материальных запросов, касающиеся качественных аспектов жизни, характерны для сознания небольшой части граждан, тогда как большинство россиян продолжает испытывать серьезные материальные трудности, не избавилось

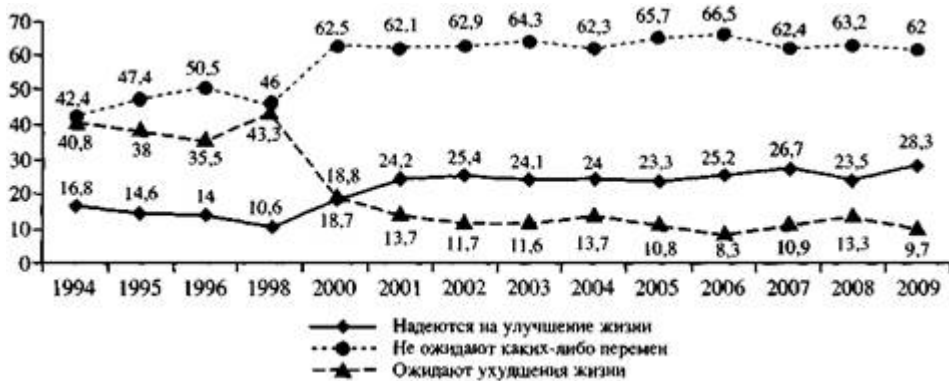

Рис. 5. Оценка личных и семейных жизненных перспектив (в %)

Рис. 6. Обеспокоенность невозможностью обеспечить себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев (в %)

от ощущения неустойчивости своего положения, обеспокоенности нерешенностью целого ряда важных социальных проблем.

У большей части россиян сохраняется неуверенность в завтрашнем дне. За 1994 - 2009 гг. доля респондентов, обеспокоенных возможным ухудшением жизни в течение ближайших 12 месяцев, сократилась с 40,8 до 9,7%, но одновременно с 47,4 до 62% вырос удельный вес лиц, не ожидающих каких-либо существенных перемен в своей жизни (рис. 5). Только часть этих граждан приспособилась к новому жизнеустройству, тогда как большинство живет в условиях неопределенности, не избавилось от страха остаться без средств к существованию. В целом, доля граждан, обеспокоенных проблемой обеспечения себя самым необходимым в течение ближайших 12 месяцев, оставалась в 2009 г. очень высокой - 66,2% против 75,7 в 1994 г. (рис. 6).

Многие люди, не надеющиеся на позитивные перемены в своей жизни и своих семей, испытывающие страх остаться без средств к существованию, ощущают безысходность, безразличие или тотальное недоверие. Они негативно относятся к новым реформам, затеваемым сегодня властями, поскольку не доверяют им и недовольны результатами предыдущих реформ, которыми смогли воспользоваться немногие. За редким исключением реформы осуществляются крайне медленно и не эффективно, а государство, по мнению большинства граждан, выступает выразителем и защитником интересов главным образом богатых людей, начальства и бизнеса, "деловые интересы которых не только пересекаются, но нередко спаяны взаимовыгодным коррупционным сотрудничеством" [14, с. 58]. Люди связывают с новыми реформами не столько появление новых возможностей, сколько возникновение новых рисков и

опасностей. Подорожание продуктов и ожидания дальнейшего роста инфляции, усиление власти и неэффективность чиновников, непомерно широкое распространение коррупции подрывают и без того невысокое доверие к власти.

Как показывают исследования, к наиболее распространенным причинам переживаний за свое личное и семейное будущее, наряду с опасением остаться без средств к существованию и страхом лишиться работы, следует также отнести опасение за будущее своих детей, а также боязнь заболеть и остаться без необходимой медицинской помощи [15, с. 167 - 169]. Это вполне объяснимо, если учесть, что семья была и остается самой значимой сферой жизни для всех россиян [16, с. 39 - 40], а проблема здоровья выступает для них одной из наиболее болезненных и трудноразрешимых проблем, являясь фактором плохого социального самочувствия [17, с. 48].

Проведенный анализ приводит к выводу, что нынешнее российское общество значительно дифференцировано по уровню адаптации к меняющимся социальным условиям. За годы радикальных преобразований произошли существенные изменения в осознании людьми своих целей и интересов. Увеличилось количество граждан, которые рассматривают происходящие события как расширение возможностей для реализации своих способностей и социального продвижения. Наблюдаются ослабление роли пассивных адаптационных практик и повышение значимости активных моделей и способов социально-экономической адаптации. Но в то же время значительная часть населения испытывает огромные трудности, теряет социальные позиции в рыночной среде, пребывая на низших ступенях адаптации или составляя контингент явных дезадаптантов. Развитию адаптационных процессов препятствуют очень высокая зависимость граждан от государства, неравномерность социально-экономического развития регионов, наличие высоких барьеров для внутренней миграции россиян, отсутствие эффективного механизма реализации человеческого капитала, чрезвычайно широкое распространение коррупции, выборочное предоставление привилегий при распределении результатов реформ отдельным категориям населения и некоторые другие причины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Корель Л. В.* Социология адаптации: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005; *Кузнецов П. С.* Концепция социальной адаптации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000; *Ромм М. В.* Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. Новосибирск: Наука, 2002 и др.
2. *Аврамова Е. М.* Время перемен: социально-экономическая адаптация населения. М.: ИСЭПН РАН, 1998; *Гордон Л. А.* Социальная адаптация в современных условиях // Социол. исслед. 1994. N 8 - 9; *Готлиб А. С., Запорожец О. Н., Хасаев Г. Р.* Социально-экономическая адаптация в постсоветской России: публичные и приватные практики // Социол. исслед. 2004. N 8; *Кануца СМ.* Формирование механизмов социальной адаптации трудоспособного населения к изменениям современного российского рынка труда. СПб.: Изд-во СЗТУ, 2009; *Козырева П. М.* Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX-XXI веков. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004; *Шабанова М. А.* Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. 2001. N 3 и др.
3. "Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE)", проводимый ГУ-ВШЭ и ЗАО "Демоскоп" при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/org/hse/rlms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>)
4. *Латин Н. И.* Общая социология. М.: Высшая школа, 2006. С. 30.
5. *Беляева Л. А.* Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М.: Academia, 2001.
6. Индекс социального самочувствия включает в качестве взаимосвязанных компонентов три составляющие: *индекс удовлетворенности и стабильности существования*, позволяющий

идентифицировать респондентов по их представлениям об актуальных, для них условиях человеческого выживания, в основе которого лежат оценки удовлетворенности своей жизнью на момент опроса; изменения положения своей семьи в ближайшие 12 месяцев; уверенности в том, что они смогут обеспечить себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев; *индекс статусно-престижной идентичности (самооценки)*, позволяющий идентифицировать респондентов по их субъективным представлениям о своем положении в экономико-политической

организации ("статусной" и одновременно "престижной") российского общества на основании оценок респондентами своего положения в континуумах: "нищих" и "богатых"; "бесправных" и "тех, у кого много власти"; "тех, кого совсем не уважают" и "тех, кого очень уважают"; *индекс самооценки состояния здоровья*.

7. *Беляева Л. А.* И вновь о среднем классе // Социол. исслед. 2007. N 5. С. 3 - 13.

8. *Карабчук Т. О.* Непостоянная занятость и социальная стратификация // Социологический журнал. 2009. N 3. С. 55 - 78.

9. *Мкртчян Н. В.* Миграционная мобильность в России: оценки и проблемы анализа // SPERO. 2009. N11. С. 149 - 164.

10. *Смирнов С. Н.* Российские домохозяйства: компаративный анализ социальных последствий экономических кризисов // Мир России. 2010. Том XIX. N 3.

11. Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2005.

12. *Тихонова Н. Е., Мареева С. В.* Средний класс: теория и реальность. М.: Альфа-М, 2009.

13. *Ульянова Н.* Большой провал // Бизнес-Журнал. 2010. N 7 - 8.

14. *Возьмитель А. А.* Актуальные социально-политические проблемы модернизации России // Мир России. 2010. Том XIX. N 4. С. 53 - 68.

15. Российская повседневность в условиях кризиса / Под ред. *М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой*. М.: Альфа-М, 2009.

16. *Горшков М. К.* Российская повседневность в условиях кризиса: социологическое измерение // Социол. исслед. 2009. N 12.

17. *Михайлова Л. И.* Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социол. исслед. 2010. N 3. С. 45 - 49.